

Я. С. ЛУРЬЕ

К проблеме свода 1448 г.

В наследии, оставленном нашей науке А. А. Шахматовым, особое значение имеет произведенная им колоссальная работа по сравнительно-историческому изучению памятников летописания. Сопоставление обширных сводов между собой и установление их сходства на большом протяжении дает возможность с несомненностью заключить о наличии у них общих источников — сводов-протографов.

Менее бесспорны попытки определения этих сводов-протографов, которые в ряде случаев предлагал А. А. Шахматов. По справедливому замечанию М. Д. Приселкова, при таком определении «А. А. Шахматову приходилось прибегать, так сказать, к методу больших скобок, которыми пользуются при решении сложного алгебраического выражения, чтобы потом, позднее, приступить к раскрытию этих скобок, т. е. к уточнению анализа текста. Этот прием вносил некоторую видимую неустойчивость в выводы, сменявшиеся на новые, более взвешенные, что вызывало неодобрение тех исследователей, которые привыкли и умели оперировать только над простым и легко читаемым текстом. Несомненно, что дальнейшее изучение внесет в добытые Шахматовым результаты немало поправок и уточнений, подобных тем, которые вносил сам исследователь, но это дальнейшее изучение непременно будет исходить из того метода изучения летописных текстов, который указал Шахматов».¹

Одним из «узлов» летописания, предположительно намеченных А. А. Шахматовым, был свод, названный в его основных работах «сводом 1448 г.». Свод 1448 г. А. А. Шахматов считал протографом значительной части (едва ли не большинства) известных нам летописей. Речь идет об источнике двух больших летописных семей — Новгородской IV и Софийской I летописей; от Софийской летописи зависят основные московские летописные своды — Никаноровская летопись, Московский свод конца XV в. и многие другие. Общий текст Софийской и Новгородской IV летописей, представляющий собой своеобразную комбинацию общерусского (митрополичьего) и новгородского летописания, доходит до 1418 г.; дальше в Софийских летописях следуют преимущественно московские, в Новгородских — преимущественно новгородские известия. Но источник обеих летописных семей вовсе не должен был доходить только до 1418 г.: одна из двух групп могла почему-либо просто прервать использование этого источника на этом годе. А. А. Шахматов обратил внимание на любопытное известие, читающееся во всех этих летописях перед известием

¹ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 13.

о Куликовской битве. Здесь говорится, что в 1380 г. праздник благовещения совпал с пасхой, «а перво сего бысть за 80 лет и за 4 лета (т. е. за 84 года до 1380 г., следовательно в 1296 г., когда, как можно установить по соответствующим пасхальным таблицам, благовещение тоже совпало с пасхой, — Я. Л.), а потом будет за 80 лет без лета (т. е. через 79 лет после 1380 г. — в 1459 г., что тоже нетрудно было вычислить по таблицам, — Я. Л.), а потом [будет] за 11 лет». Что означают последние слова? Через 11 лет после 1459 г. благовещение не должно было совпадать с пасхой (очередное совпадение предстояло только в 1532 г.). А. А. Шахматов пришел к выводу, что, говоря о совпадении пасхи и благовещения, которое «потом [будет] за 11 лет», летописец имел в виду то же самое совпадение в 1459 г. и указывал, что это совпадение произойдет «потом за 11 лет», т. е. через 11 лет после момента, когда он, летописец, писал эти слова. Следовательно, текст общего источника Новгородской IV и Софийской летописей был составлен за 11 лет до 1459 г. — в 1448 г. Отсюда и определение, данное А. А. Шахматовым этому источнику, — «свод 1448 г.».²

Представление о своде 1448 г. как об источнике ряда летописей Москвы и Новгорода было принято и М. Д. Приселковым. Он расходился с А. А. Шахматовым только в определении характера этого свода. А. А. Шахматов считал, что свод 1448 г. был новгородской летописью, из которой протограф Софийских летописей извлек известия после 1418 г., заменив их общерусскими. М. Д. Приселков полагал, напротив, что это был митрополичий свод, использовавший новгородский источник, и что он более последовательно передал Софийскими летописями и менее последовательно (с исключением известий после 1418 г.) — Новгородскими.³

В своей книге «Русские летописи» Д. С. Лихачев обратил внимание на то, что термин «свод 1448 г.», употреблявшийся в большинстве работ А. А. Шахматова, был им заменен в последних работах на «Новгородско-Софийский свод 1430-х годов».⁴ Обратившись к архиву А. А. Шахматова, Д. С. Лихачев убедился в том, что эта перемена не была случайной. А. А. Шахматов отказался от понятия «свод 1448 г.» под влиянием письма к нему А. В. Маркова, предложившего свою конъектуру к упомянутому известию 1380 г. о совпадении благовещения и пасхи. По мнению А. В. Маркова, последние слова этого известия «а потом за 11 лет» должны быть переставлены из конца фразы в середину и весь текст будет читаться так: «а перво сего бысть за 80 лет и за 4 лета, а потом за 11 лет, а потом будет за 80 лет без лета»; слова «а потом за 11 лет» надо понимать в смысле «а перед этим было за 11 лет», т. е. за 11 лет до 1296 г., а именно в 1285 г., когда пасха и благовещение действительно совпали.⁵ Если такая поправка верна, то в этом известии ничего не говорится

² А. А. Шахматов. 1) Общерусские летописные своды XIV и XV вв. — ЖМНП, 1900, № 9, стр. 98, 104; 2) Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, стр. 151—160. А. А. Шахматов цитировал текст по Софийской I летописи (ПСРА, т. V, СПб., 1851, стр. 238); в Новгородской IV летописи (ПСРА, т. IV, ч. I, Пгр., 1915, стр. 311) слова «будет» в последней фразе нет.

³ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв., стр. 149—161.

⁴ А. А. Шахматов. Летописи. (Статья из «Нового энциклопедического словаря» Брокгауза—Ефрона, т. XXV). — В кн.: А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв., стр. 366. Ср.: А. А. Шахматов. Повесть временных лет, т. I. Пгр., 1916 (ЛЗАК, вып. 29), стр. XLIX.

⁵ Письмо А. В. Маркова А. А. Шахматову от 15 декабря 1911 г.: Архив АН СССР (Ленинград), ф. 134, оп. 3, ед. хр. 918, лл. 38—39 об.; А. А. Шахматов. Киевский Начальный свод 1095 г. — В кн.: А. А. Шахматов. 1864—1920. М.—Л., 1947, стр. 135. Ср.: Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 447—449.

о 1448 г., и дата эта, таким образом, отпадает. Следуя последним работам А. А. Шахматова, Д. С. Лихачев и другие авторы отказались от понятия «свод 1448 г.» и считают общим источником Новгородской IV и Софийской летописей «Новгородско-Софийский свод 30-х годов».⁶

Однако вопрос этот едва ли можно считать окончательно разрешенным. Несомненно, что в основе Новгородской IV и Софийской летописей лежат два источника — новгородский свод и общерусская летопись двух первых десятилетий XV в. Когда же эти две летописи были соединены между собой и стали основой последующих сводов? Дата «30-е годы XV в.» весьма неопределенна — она основывается только на окончании текста старшей редакции Новгородской IV летописи;⁷ между тем вовсе не доказано, что эта редакция отражает протограф всей семьи Софийской и Новгородской IV летописей.

Но в какой степени конъектуру А. В. Маркова можно считать обоснованной? Предполагая, что слова «а потом за 11 лет» были поставлены не на месте в одной из летописных редакций, А. В. Марков видел причину предположенного им искажения в том, что первоначальная запись была сделана в Москве, где год был сентябрьский, а исказили ее в Новгороде, где был мартовский год. Непонятно, однако, почему различие в этих двух отсчетах должно было вызвать такую перестановку. Впрочем, от такого объяснения перестановки текста потом отказался и сам А. В. Марков, отметив, что «март мартовского года равен марту сентябрьского года; следовательно, нельзя определить, какой год имел в виду летописец — мартовский или сентябрьский».⁸

Конъектура А. В. Маркова не оправдывается и какими-либо недостатками текста — в своем первоначальном виде он достаточно ясен и грамматически правилен. А между тем даже и после перестановки текста его толкование, предложенное А. В. Марковым, представляется весьма сомнительным. Можно ли слова «потом за 11 лет» понимать в смысле «перед этим было за 11 лет», «за 11 лет до этого»? Словари не дают нам примеров такого «ретроспективного» осмысления слова «потом».⁹ Первоначальное шахматовское толкование этого места представляется поэтому более убедительным, чем толкование А. В. Маркова.

Вопрос о времени создания и о происхождении летописного свода, отразившегося в многочисленных изводах и списках Новгородской IV и Софийской летописей, может быть, очевидно, решен только на основании анализа совпадающего текста этих летописей в целом. Как известно, текст этот весьма сложен и пестр по своему составу: наряду с множеством новгородских известий общий источник Новгородской IV и Софийской I ле-

⁶ Д. С. Лихачев. Русские летописи. ., стр. 312—317; М. Н. Тихомиров. Летописи. — В кн.: Советская историческая энциклопедия, т. 9. М., 1965, табл. 600.

⁷ А. А. Шахматов. Киевский Начальный свод 1095 г., стр. 136—137. В выборке известий из новгородской летописи, помещенной в Карамзинском списке (ГПБ, F.IV.603; ср.: А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв., стр. 189—195), а также в младшей редакции Новгородской IV летописи текст доведен до 1446—1447 гг.; в связи с этим А. А. Шахматов, даже после того как он принял конъектуру А. В. Маркова, считал «соблазнительной» мысль о том, что общий источник Софийской II и Новгородской IV летописей был составлен около 1448 г. (А. А. Шахматов. Киевский Начальный свод 1095 г., стр. 135).

⁸ Письмо А. В. Маркова А. А. Шахматову от 27 декабря 1911 г.: Архив АН СССР (Ленинград), ф. 134, оп. 3, сл. хр. 918, л. 41 об.

⁹ Ср.: Срезневский. Материалы, т. III, табл. 1070—1071. Заметим, кстати, что А. А. Шахматов, перевода слова «потом будет за» как «потом будет через», привел целый ряд примеров того, что «за» означало в древних памятниках «через» (А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв., стр. 154, прим. 2).

тописей содержит также ряд больших общерусских повестей, относящихся к истории XIV в. и неизвестных нам по более ранним летописям. Какого происхождения эти повести? А. А. Шахматов считал, что они впервые появились в Полихроне XV в. — митрополитчем своде 1423 г. (по М. Д. Приселкову — 1418 г.), а уже из него попали в свод 1448 г.¹⁰ Однако решение этого вопроса затрудняется из-за недостатка летописных текстов, которые можно было бы возвести непосредственно к митрополитчьей летописи 1418—1423 гг., а не к общему источнику Новгородской IV и Софийской I летописей. А. А. Шахматов считал такими непосредственными отражениями Полихрона летописный текст Хронографа и Ермолинскую летопись.¹¹ Однако уже М. Д. Приселков обратил внимание на то, что летописный текст Хронографа начиная с 1408 г. (а частью даже с 1393 г.) вставлен в него задним числом и отражает не Полихрон 1418 г., а значительно более позднее летописание.¹² Это наблюдение может быть распространено и на летописный текст Хронографа за более ранние годы: текст этот совпадает с Сокращенными летописными сводами конца XV в. (изданными теперь в ПСРЛ, т. XXVII) и восходит, очевидно, не к Полихрону 1418—1423 гг., а к летописанию более позднего периода (позже свода 1448 г.). То же можно сказать и об Ермолинской летописи: наблюдения А. Н. Насонова неопровержимо доказали, что в основе ее лежит не непосредственная обработка Полихрона, а летописный свод середины XV в., отразившийся и в Московском своде 1479 г.¹³

Если же искать следы митрополитчьего летописания за период между 1408 г., когда был составлен известный исследователям свод митрополита Киприана (Троицкая летопись), и серединой XV в., то для этого, очевидно, следует обратиться к двум летописным сводам — к Московско-Академическому списку Суздальской летописи и к общерусскому (митрополитчьему) своду 1446 г., сохранившемуся в составе Западнорусской (Белорусской) летописи. Заключительная часть Московско-Академического списка (1237—1418 гг.) представляет собой ростовскую летопись, восходящую в свою очередь к общерусскому (митрополитчьему) своду, доведенному во всяком случае до 1417 г. (смерть старшего сына Василия Дмитриевича). Свод этот был близок к своду 1408 г. (Троицкой летописи), но отражал уже иной этап митрополитчьего летописания: здесь рассказывается о вступлении на престол следующего за Киприаном митрополита всея Руси — Фотия (1410 г.) и события времени Киприана излагаются в такой форме, какая была невозможна при этом митрополите (сообщалось, например, о том, что в 1383 г. Дмитрий Донской «выгна Киприана митрополита, и бысть оттоле мятеж в митрополии»).¹⁴ Перед нами, очевидно, как раз отражение митрополитчьего летописания времени Фотия. А между тем никаких следов больших летописных повестей, содержащихся в Софийской I и Новгородской IV летописях, мы здесь не находим; в частности, рассказ о Куликовской битве восходит в Московско-Академическом списке к ран-

¹⁰ А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв., стр. 157.

¹¹ Там же, стр. 133—150 (главы VIII и IX).

¹² М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв., стр. 148—149.

¹³ А. Н. Насонов. Московский свод 1479 г. и Ермолинская летопись. — В кн.: Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. Сборник статей к 70-летию А. А. Новосельского. М., 1961, стр. 218—222.

¹⁴ Суздальская летопись по Академическому списку, принадлежащему библиотеке Московской духовной академии. — В кн.: Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1872, стр. 509—512. В Троицкой летописи говорилось, что Киприан «съеха с Москвы в Киев» (М. Д. Приселков. Троицкая летопись. М.—Л., 1950, стр. 425).

нему рассказу, читающемуся в Троицкой (Симеоновской) летописи.¹⁵ Не сохранилось следов таких повестей и в Западнорусских летописях. И здесь первоначальный текст Троицкой летописи (свода 1408 г.) дополнен более поздним материалом; о Киприане, например, сказано, что в 1383 г. Дмитрий «выслал» его из Москвы (из-за чего «бис мятежь в митрополии»);¹⁶ общерусские известия доходят до 1446 г. Но рассказ о Куликовской битве и здесь соответствует тексту Троицкой летописи.¹⁷

Анализ отдельных рассказов, читающихся в общем источнике Софийской I и Новгородской IV летописей, подтверждает мнение об их относительно позднем происхождении. М. А. Салмина, специально исследовавшая «Летописную повесть» о Куликовской битве, показала, что уже первоначальный текст этой повести в Софийской I и Новгородской IV летописях связан с исторической обстановкой 40-х годов XV в. и имеет анахронистические черты;¹⁸ отзвуки династической борьбы 30—40-х годов (Василий II и галицкие князья) исследовательница обнаружила и в другой большой летописной повести того же свода — «Слове о житии и преставлении Дмитрия Ивановича».¹⁹

Таким образом, и отдельные предварительные наблюдения над текстом свода, отразившегося в Софийской I и Новгородской IV летописях (наблюдения эти, конечно, должны быть еще продолжены), ведут нас к тем же выводам, что и расчет годов, помещенный под 1380 г. (как мы знаем, этот расчет непосредственно предшествует в летописях рассказу о Куликовской битве). Не был ли этот свод действительно создан «за 11 лет» до 1459 г., т. е. в 1448 г.?²⁰ И не следует ли поэтому восстановить в правах понятие «свод 1448 г.»?

¹⁵ Суздальская летопись по Академическому списку, стр. 508; М. Д. При-
селков. Троицкая летопись, стр. 419—421. Ср.: М. А. Салмина. «Летописная
повесть» о Куликовской битве и «Задонщина». — В кн.: Слово о полку Игореве и па-
мятники Куликовского цикла. М.—Л., 1966, стр. 355—364.

¹⁶ ПСРЛ, т. XVII, СПб., 1907, столб. 43. Текст Западнорусских летописей за
1310—1384 гг. (за исключением приведенного известия о Киприане) близок к Троиц-
кой летописи. После 1384 г. следует известие 1388 г. о смерти Дмитрия Донского,
совпадающее с Московско-Академическим списком, а затем текст за 1384—1446 гг.,
близкий к первоначальной редакции Софийской I летописи. Ср.: М. Д. При-
селков. История русского летописания XI—XV вв., стр. 155—158.

¹⁷ ПСРЛ, т. XVII, столб. 41—42.

¹⁸ М. А. Салмина. «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задон-
щина», стр. 364—376 (в числе лиц, погибших в Куликовской битве, назван Федор Та-
русский, убитый в действительности под Белевом в 1437 г.).

¹⁹ М. А. Салмина. «Слово о житии и преставлении Дмитрия Ивановича» в ле-
тописании (печатается в ТОДРА, т. XXV).

²⁰ Некоторые основания для датировки свода, отразившегося в Софийской I и
Новгородской IV летописях (*terminus ante quem*), могут дать обнаруженные
А. А. Шахматовым заимствования из этого свода в Новгородской I летописи млад-
шего извода (А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—
XVI вв., стр. 162—165), старший список которой (Комиссионный) писан на бумаге
с водяными знаками 40-х годов XV в. (Новгородская I летопись старшего и млад-
шего изводов. М.—Л., 1950, стр. 7—8). Однако текст в этом списке доведен до
1446—1447 гг., и А. А. Шахматов определял время его составления 1453—1462 гг.
(А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв.,
стр. 171).